

дежды, что его кандидат будет принят на Руси. Русские источники не говорят о тогдашних дипломатических сношениях со славянскими Балканами, где в то время происходило создание Душанова «царства сербов и греков», но нужно думать, что Русь не могла не знать об этих событиях мировой международной политики и не могла к ним относиться безучастно. Вполне вероятно, что и сам царь Душан после провозглашения царства и установления сербской патриархии считал необходимым оповестить об этих фактах наряду с другими государствами и Московского великого князя, и русскую церковь. Точно так же и при возникновении церковного раскола с Византией вследствие провозглашения сербской патриархии нельзя предположить, чтобы Душан не пытался найти моральную поддержку в данном вопросе у русской церкви. Возможно, что в рамках этих сношений ставился вопрос солидарности русской церкви с сербской и болгарской, а может быть, и желательности выхода русской церкви из византийской юрисдикции. Назначение упомянутого Феодорита русским митрополитом по посвящению болгарского патриарха имело место как раз в том самом году, когда произошел окончательный разрыв церковных связей между Сербией и Царьградом.¹⁸⁷ Можно предполагать, что это назначение связано с какими-нибудь предположениями, исходившими из Руси, но, вероятно, не из Москвы, чем и объясняется неудача с назначением Феодорита митрополитом.

Нельзя не отметить, что именно в это время появляются в русских источниках известия о приходе на Русь с Балкан разных мастеров и художников, среди которых, конечно, были и южные славяне. Около 1338 г. грек Исаия со своей артелью расписывал новгородскую церковь. Входа Господня в Иерусалим. В 1344 г. греческие живописцы расписали в Москве Архангельский и Успенский соборы. В 1346 г. отливал церковные колокола мастер «римлянин» Борис, имя которого внушает мысль о его славянском, видимо южнославянском, происхождении. В последней четверти XIV и в начале XV в. Феофан Грек украшал своими дивными композициями новгородские и московские храмы. Балканские художники принесли на Русь новый живописный стиль «возрождения» эпохи Палеологов, который в русских памятниках появляется уже в самом начале XIV в.: во фресках Новгородского Снетногорского монастыря 1313 г. и затем в Михайло-Сковородском монастыре в середине XIV в. Для отдельных памятников характерно чрезвычайно большое сходство с сербской живописью XIV в., в частности в фресках новгородской церкви Спаса в Ковалево 1380 г. и в Раванице 1381 г. можно предполагать работу одних и тех же художников.¹⁸⁸ Сербом был тот мастер-часовщик, который в 1404 г. удивил Москву «часомерьем» с человеческой фигурой, которая «самозвонно и преухитренно» каждый час ударяла молотом в колокол. «размеряя и расчитая часы nocturne и дневные»: «Мастер же и художник сему беша некоторый чернец, иже от Святыя Горы пришедый, родом Сербин, именем Лазарь». Новый художественный стиль, который, с одной стороны, с большой экспрессивностью, эмоциональностью и драматизмом умеет изображать сильное душевное волнение, экстатический порыв и живые движения и творить сложные многофигурные композиции, а с другой — полон мистицизма и средневековой абстракции, как пре-

¹⁸⁷ См.: В. Мошин. Св. патриарх Калист и Српска црква. — Гласник Српске православне цркве. Београд, 1946, № 9, стр. 198—202.

¹⁸⁸ См.: Лихачев, стр. 8—11 и 40—45 (здесь подобрана литература до 1958 г.); ср.: Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Пгр., 1917; В. Н. Лазарев. О связях новгородской живописи с сербской. — Ежегодник Института истории искусств АН СССР, т. 1. М.—Л., 1947.